

**ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

УДК 340

DOI: <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2020.3/2968>

**ВОРОНЕЖСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

А. В. Победкин

Академия управления МВД России

Поступила в редакцию 10 августа 2020 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу вклада ученых-процессуалистов юридического факультета Воронежского государственного университета в отечественную науку уголовного процесса. В работе использован диалектический и исторический метод, а также метод прогнозирования. Делается вывод, что Воронежская научная школа уголовного процесса относится к числу классических отечественных юридических научных школ, традиции которых сегодня во многом утрачиваются. Обосновывается востребованность исследований воронежских процессуалистов именно сегодня, на этапе «отрезвления» от увлечений научно необоснованными идеями, нередко западного или эпатажного толка.*

Ключевые слова: *юридический факультет ВГУ, ученые-процессуалисты, научная школа, Л. Д. Кокорев, О. Я. Байев, З. Ф. Коврига, Н. П. Кузнецов, истина, задачи уголовного процесса, судебная этика, нравственные начала уголовного судопроизводства.*

Abstract: *the article is dedicated to the analysis of the contribution of procedural scholars of the law faculty of the Voronezh State University to the domestic science of the criminal process. The dialectic and historical method, as well as the method of forecasting, are used in the work. It is concluded that the Voronezh school of the criminal process is one of the classic Russian legal scientific schools, whose traditions today are largely lost. It justifies the demand for research by Voronezh proceduralists today, at the stage of “sobering up” from hobbies with scientifically unfounded ideas, often of a Western kind.*

Key words: *law faculty of the Voronezh State University, processualists, scientific school, L. D. Kokorev, O. Ya. Bayev, Z. F. Kovriga, N. P. Kuznetsov, truth, the tasks of the criminal process, judicial ethics, moral principles of criminal proceedings.*

2020. № 3

10

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым, и живым...

А. С. Пушкин

Научные школы – явление, ярко характеризующее самобытность России и ее науки. Дать ему точное определение, подчиняющееся законам логики, т. е. облечь в логическую форму, что и нужно для любого опре-

деления, вряд ли возможно. Вложить отечественные научные школы в «прокрустово ложе» количества учителей, учеников, их возраста, вида научной продукции, периода существования – задача не просто непосильная, но и в целом ошибочная, хотя подобного рода попытки предпринимались и предпринимаются до сих пор.

Ведущая научная школа – сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятельностью, готовящий научные кадры и имеющий руководителя и исследователей до 35 лет¹, – сказано о научной школе в одном из положений, утвержденных постановлением Правительства РФ. На первый взгляд, все безупречно. Однако очевидно, что такие категории, как «коллектив», «связанность научным направлением исследований», «объединенность совместной научной деятельностью» требуют неформального толкования. Тем более неуместен в определении научной школы возраст исследователей, поскольку научная школа в России никак не может отождествляться даже с неформализованной организацией по воспроизводству кадров. Это нравственно-этическое понятие в сфере науки, которое в России достигло уровня оценочного явления, доступного к осознанию только настоящим ученым, некое «генно-информационное поле, в котором от учителя к ученикам передаются на протяжении поколений стереотипы профессионального отношения к научно-исследовательской работе, порядочности, нравственности, уважительного отношения к личности» (Ф. И. Федоров)².

Видимо, научная школа должна иметь некую связь с предметом познания (который, зиждясь на некотором ядре, тем не менее, может быть достаточно широким и постоянно развивающимся). Однако главное все же – метод познавательной деятельности и, как пишет И. Л. Честнов, «институциональные критерии идентичности»³.

Выраженный лидер научной школы может быть один, а возможно, научная школа имеет несколько лидеров и не одного основателя. Жизнь научной школы часто определяется не только здравствующими лидерами, но и учеными, оставившими нам в наследство свои идеи, заветы, методологию познания, отношение к делу, одухотворяя и объединяя учени-

¹ Положение о выделении грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук и докторов наук и средств для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 27 апреля 2005 г. № 260 «О мерах по государственной поддержке молодых российских ученых – кандидатов и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 18. Ст. 1686.

² *Ивашкевич О. А., Дик Т. А.* Роль Белорусского государственного университета в развитии отечественной науки // Наука и инновации. 2011. № 10.

³ *Честнов И. Л.* Постклассическая коммуникативная концепция права как «незримая коллегия» // Правоведение. 2013. № 5.

ков и последователей, определяя вектор научного поиска, обладающего неповторимыми идентифицирующими характеристиками.

Научные школы России принципиально отличаются от западных (где специалисты мигрируют вслед за большей зарплатой) преобладающей «преданностью» крупных отечественных ученых учебным заведениям, в которых они состоялись, обрели статус настоящего ученого и действительно стали ими⁴.

В связи с этим в России вполне уместно говорить не только о научной школе конкретного ученого (ученых), которые, конечно, всегда подразумеваются, а о неких идейных единомышленниках в поколениях, которые поддерживают и развивают идеи, кристаллизовавшиеся в научных центрах, связывая научную школу не только с учебным заведением, но и регионом, в котором оно стало местом рождения «живых» научных идей.

Воронеж – место рождения одной из самых ярких, принципиальных, длительно существующих и продолжающих активно развиваться научных школ уголовного процесса. Это одна из «канонических» научных школ в стране в области юридической науки, свято берегущих традиции, ориентируясь на которые отечественная наука стала одной из лучших в мире.

«Университет – это община ученых. Это не детский сад, не клуб, не реформаторий; это не политическая партия и не агентство по пропаганде...

Ученые, составляющие эту общину, были избраны своими предшественниками, потому что оказались более подходящими для изучения и преподавания той или иной отрасли знания...», – говорил ректор Чикагского университета Роберт М. Хетчинс⁵. Университет – прежде всего наука. На таком подходе настаивал В. А. Панюшкин, почти 30 лет создававший на юридическом факультете ВГУ максимально благоприятные условия для развития науки и на уровне основной концептуальной идеи, ставшей залогом научного бессмертия Воронежской школы уголовного процесса, провозгласивший ее основное кредо: «Святой долг каждого ученого помнить своего Учителя всю жизнь и следовать его заветам. Нет большего греха для ученого, чем забыть своего Учителя. Отношения Учитель – ученики – одно из высших нравственных достижений общества, несущее в себе огромный воспитательный потенциал и выступающее необходимым условием успешного развития науки и формирования личности настоящего ученого. Эти отношения позволяют сохранить преемственность в научных исследованиях, повысить их эффективность, развить и укрепить лучшие научные традиции научных школ»⁶.

⁴ См. об этом: *Субанова Н. В., Жубрин Р. В.* Научные школы Университета прокуратуры Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 2. С. 116.

⁵ *Баишева З. И., Смирнова Н. П.* Культура речи в юриспруденции : учеб. пособие. Уфа, 1998. С. 132–133.

⁶ *Панюшкин В. А.* Чтобы помнили...// Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2006. С. 3.

Воронежская научная школа уголовного процесса – одна из самых известных в стране: не эпатажностью, не валом разнородной научной продукции; не модностью малообоснованных суждений, ни лозунговостью призывов. Она несет в себе черты классической научной школы периода, когда юридическая наука, являясь несомненным элементом экономического базиса (что было и будет всегда), развивалась на действительно познанных закономерностях – плоде многолетних и ответственных научных поисков.

Основной методологической идеей научной школы уголовного процесса воронежцев была и остается идея уважения к личности. Корни концептуального подхода к уголовному судопроизводству укрепились в благодатной почве Воронежского университета, которая создавалась в конце 50-х – первой половине 60-х гг., когда доктор юридических наук, профессор В. Е. Чугунов, будучи с 1959 по 1967 г. заведующим кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики юридического факультета Воронежского государственного университета, являясь видным специалистом в уголовном процессе зарубежных стран, стал воспитывать учеников, разрабатывавших проблемы объема возможностей государства в отношении общества и человека в уголовном процессе (ярким примером тому стали защитившие под руководством профессора В. Е. Чугунова кандидатские диссертации З. Ф. Коврига – «Дознание, проводимое органами милиции в советском уголовном процессе» и В. А. Михайлов – «Прокурорский надзор за прекращением уголовных дел на предварительном следствии в советском уголовном процессе»).

Эта идея руководила и пером видного отечественного ученого-правоведа, разносторонне одаренного доктора юридических наук, профессора Г. Ф. Горского, ряд трудов которого посвящен вопросам профилактики преступности, нравственным началам уголовного процесса, допустимости тактических приемов и др. Заметим, что без изучения докторской диссертации Г. Ф. Горского «Научные основы организации и деятельности следственного аппарата СССР» не обходится ни одно научное исследование, посвященное вопросам организации предварительного следствия в России.

В дальнейшем идея уважения к человеку, вне всякого сомнения, связана с именем выдающегося ученого Л. Д. Кокорева, и до настоящего времени в качестве основного методологического ключа она одухотворяет и организует все научные исследования подавляющего большинства воронежских ученых-процессуалистов.

Надо сказать, что положение личности в уголовном судопроизводстве не ограничивается воронежскими учеными процессуальным статусом отдельных участников судопроизводства. Несомненно, это важный элемент научных исследований основателей школы и ее последователей («Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе» (1964 г.); «Подсудимый в уголовном процессе» (1973 г.); «Положение личности в советском уголовном судопроизводстве» (1975 г.); «Участники правосудия по уголовным делам» (1971 г.) – Л. Д. Кокорев). Однако от проблем обе-

спечения процессуального статуса отдельных участников судопроизводства научный поиск воронежцев развивается до более широких масштабов («Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве» (1984 г.) – коллективная монография; «Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы» (1979 г.), с привлечением видных отечественных процессуалистов из иных учебных заведений и организаций).

Отметим, что во многом направления развития науки уголовного судопроизводства – того судопроизводства, которое основано на истине, публичности, служит человеку, воспитывает его в лучших нравственных качествах, нашли отражение в выдающейся, блестящей работе «Очерк развития науки советского уголовного процесса» (подготовлена Л. Д. Кокоревым в соавторстве с Н. С. Алексеевым, В. Г. Даевым и вышла в свет в 1980 г.). Многие идеи авторов востребованы и сегодня.

Уголовное судопроизводство – публичная отрасль права и ее предназначение – защищать общество и служить его интересам. Конечно, в уголовном процессе существуют и личные интересы отдельных его участников. Однако глубина идеи, возвращенной Воронежской школой, не в том, что они должны уживаться с общественными интересами, на уровне некоторого разумного баланса (как несколько упрощенно полагает Конституционный Суд РФ), а в том, что защита законных (!) интересов участников судопроизводства служит тому же общественному благу⁷, является непременным условием реализации публичности уголовного процесса. Это идея, опираясь на которую, пришло время пересмотреть понятие публичности, взглянув на нее гораздо более широко, чем это делали ранее. Публичность – основная функция (предназначение) уголовного процесса, которая состоит в том, что любой (!) член общества должен быть непременно и твердо убежден, что его права либо как законопослушного гражданина, справедливо требующего от государства защиты от преступности путем осуждения лиц, действительно виновных в совершении преступления, либо как участника уголовного судопроизводства, если таковым ему суждено оказаться, будут надежно защищены и гарантированы. Публичность зиждется на убежденности каждого нравственно здорового члена общества в достаточности уголовно-процессуальных гарантий для истинных уголовно-процессуальных решений при соблюдении законных интересов и прав человека, являющегося участником уголовно-процессуальных отношений (каковым может оказаться любой человек).

Вопросы реализации публичности путем обеспечения прав человека при неизбежном, к сожалению, применении мер воздействия за нарушение уголовно-процессуальных норм нашли отражение в новом научном направлении, заложенном З. Ф. Ковригой, – исследованиях уголовно-процессуальной ответственности и уголовно-процессуального принуждения

⁷ См.: Астафьев Ю. В., Панюшкин В. А. Неустанность поиска // Проблемы теории и практики уголовного процесса : история и современность / под ред. В. А. Панюшкина. Воронеж, 2006. С. 32.

(«Правовые и теоретические основы уголовно-процессуальной ответственности»). Рассматривая гарантии применения уголовно-процессуального принуждения, З. Ф. Коврига справедливо и доказательно полагала, что принуждение без убеждения, без «моральных санкций», без «чувства стыда, угрызения совести в полной мере не может быть эффективным, составляя с убеждением диалектическое единство»⁸. Выступая за детальную процессуальную регламентацию мер принуждения (и предлагая ее), за жесткое соотношение конкретных целей каждой меры принуждения и средств ее реализации, З. Ф. Коврига предложила обоснованное разграничение понятий процессуального принуждения, процессуальной ответственности и процессуальной санкции, дальше которого в науке уголовного судопроизводства пока не удалось шагнуть никому. Уголовно-процессуальная ответственность в уголовном процессе современной России реализуется по идеям З. Ф. Ковриги. Сегодня эта тема, в свое время удачно продолженная Г. Н. Ветровой, нашла новых исследователей, и трудам З. Ф. Ковриги не только не грозит утеря актуальности, но и гарантировано место в классике отечественной юридической литературы.

Важнейшим направлением исследований воронежцев-процессуалистов стали вопросы нравственности в уголовном процессе. Сегодня это едва ли не единственная научная школа, где к этой проблеме подходят с адекватным пониманием ее важности при решении любой уголовно-процессуальной проблемы. В свое время А. Ф. Кони полагал, что «...нравственным началам ...принадлежит в будущем первенствующая роль в исследовании условий и обстановки уголовного процесса. ...Законодательство под влиянием временных ослеплений может, конечно, отступать назад и возвращаться к устарелым и отжившим учреждениям, но на коренные начала правосудия – гласность, устность, непосредственность и свободную оценку доказательств – серьезно посягнуть не решится. Эти приобретения человечества куплены слишком дорогою ценой многовековых страданий и заблуждений, чтобы с ними можно было легко и надолго расстаться...»⁹. Однако жизнь показала, нравственность в человеке держится на достаточно тонком «волоске» и может быть сорвана социальными, служебными, личными проблемами и, тем более, потрясениями. Сегодня вновь нужно доказывать, что уголовное судопроизводство – сфера нравственности, которая должна формировать и сам закон и пронизывать правоприменительную деятельность, этим законом урегулированную.

Особую актуальность приобретают сегодня труды о нравственности уголовного процесса, лучшие из которых остаются за воронежцами. Прежде всего речь о классической работе «Судебная этика» (Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов, 1973) и учебном пособии «Этика уголовного процесса» (Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов, 1993). На этих работах воспита-

⁸ Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 8.

⁹ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Уголовный процесс : нравственные начала. Изд. 3-е. М., 2008. С. 5–6.

ны несколько поколений ученых и правоприменителей. На уровне научного прорыва можно оценить идеи нравственного характера, которые обоснованы в этих и других трудах основателей Воронежской школы: нравственные отношения, – считал Л. Д. Кокорев, – сопутствуют правовым и вместе с ними составляют сущность процессуальных отношений¹⁰, нравственные принципы, которым должны соответствовать отношения участников уголовного судопроизводства, являются гарантией субъективных прав участников процесса, имеющих в уголовном деле личный интерес¹¹. Вот так! Нравственные отношения – процессуальные и вместе с правовыми составляют их сущность, являясь важнейшей процессуальной гарантией, «...могут иметь хотя бы какое-нибудь значение уголовно-процессуальные требования, если правосудие несправедливо, антигуманно, не несет положительного воспитательного заряда, не направлено на установление истины, сопряжено с унижением человека»¹², – ставит вопрос Л. Д. Кокорев, и этот вопрос сегодня – самый острый.

Уголовное судопроизводство всегда влияет на нравственный мир человека: содержанием, формой, итоговыми решениями, поведением и отношением к делу следователей, прокуроров и судей, а самое главное – уровнем защиты человека как от преступных проявлений, так и от произвола правоприменителя.

Направление, в котором уголовный процесс воспитывает сегодня человека, разглядеть нетрудно. Это *приоритет материального перед духовным* (судебный штраф, прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности и др.), *прагматизма перед истиной* (сокращенные особые порядки судебного разбирательства, дознание в сокращенной форме), *элитарности перед равенством* (особый порядок уголовного судопроизводства в отношении отдельных категорий лиц). Это *сервильность перед слоем «профессионалов»*, специально обученных применять непомерно усложненный уголовно-процессуальный закон, не позволяющий человеку самому даже подать заявление о преступлении, преследуемом в порядке частного обвинения, апелляционную или кассационную жалобу, что не только бюрократизирует уголовный процесс и делает его сферой избранных «небожителей», но и фактически отменяет свободу подачи заявления о преступлении, апелляционного и кассационного обжалования. К числу насаждаемых сегодня уголовным процессом качеств нужно отнести и *смирение с несправедливостью* (прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, невозможность обжалования приговоров, постановленных в особом порядке по существу и др.).

Уголовно-процессуальный закон, который не формирует у граждан убеждения в справедливости судопроизводства, создает почву для представления о собственной второсортности, незащищенности, не может

¹⁰ См.: Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 118, 124, 136.

¹¹ См.: Там же. С. 122.

¹² Там же. С. 122.

воспитывать лучшие человеческие качества. Между тем воспитательная задача суда решена наилучшим образом, если судебное разбирательство повлияло на пробуждение совести¹³.

Следует отметить, что убедительно доказывая принадлежность процессуалистов и криминалистов к «игрокам одной команды» и отказывая им в простом «соседстве по коммунальной квартире»¹⁴, О. Я. Баев – выдающийся отечественный ученый в области криминалистики и, как минимум, крупный в области уголовного процесса, выступая в качестве активного сторонника включения в криминалистическую тактику новых элементов, основанных на познании закономерностей общественными и естественными науками, в лучших традициях воронежских процессуалистов подчеркивал, что «в неумелых и грубых руках не только применение тактических приемов (требующее от следователя особой осторожности и высокой нравственности), но и вся следственная деятельность может оказаться законной формально и издевательской по существу»¹⁵. Огромной заслугой О. Я. Баева является обоснование недопустимости никаких тактических приемов (уловок, хитростей и т. д.), включая модные сегодня рекомендации относительно методов психического воздействия на личность, если они не соответствуют общим критериям допустимости тактических элементов¹⁶, среди которых строжайшее соблюдение «буквы и духа» уголовно-процессуального закона¹⁷, соответствие нормам нравственности и избирательность. Немедленной была его реакция на введение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ дознания в сокращенной форме, которая справедливо оценена как ликвидация всех принципов уголовного судопроизводства и доказывания по уголовному делу¹⁸. Настаивал О. Я. Баев и на необходимости усиления нравственных начал процессуальной регламентации досудебного соглашения о сотрудничестве¹⁹, что особенно важно для этого института, основания которого (несомненно, задуманные законодателем как благородные) весьма тонко граничат с голым цинизмом и прагматизмом.

¹³ См.: *Кокорев Л. Д.* Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж, 1973. С. 234.

¹⁴ *Баев О. Я.* Криминалисты и процессуалисты : соседи по коммунальной квартире или игроки одной команды // Библиотека криминалиста : научный журнал. 2012. № 1 (2). С. 174–190. На поле уголовного процесса убедительно выступает и М. О. Баев, генетически криминалист, активно и успешно изучающий вопросы злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве.

¹⁵ *Баев О. Я.* Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон // Баев О. Я. Избранные работы : в 2 т. Воронеж, 2011. Т. 1. С. 113.

¹⁶ См.: *Баев О. Я.* Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон. Т. 1. С. 123.

¹⁷ См.: *Баев О. Я.* К методологии следственной тактики (причины следственных ошибок) // Баев О. Я. Избранные работы (2012–2016 гг.). Воронеж, 2016. С. 376.

¹⁸ См.: *Баев М. О., Баев О. Я.* Заметки об очередных изменениях УПК РФ (о новеллах Федерального закона от 4 марта 2013 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 42.

¹⁹ См.: *Баев О. Я.* Досудебное соглашение о сотрудничестве. М., 2013.

Важно, что представители, последователи и поклонники Воронежской научной школы уголовного процесса в полной мере отдают отчет в нерешаемости ни одной процессуальной проблемы без обращения к нравственным началам, без опоры на них.

Вопросы уголовно-процессуального доказывания (Л. Д. Кокорев, Н. П. Кузнецов, Ю. В. Астафьев, Д. В. Зотов, А. Н. Кузнецов, А. Ю. Астафьев), защиты имущественных прав личности в уголовном процессе (В. Я. Понарин²⁰); использования достижений научно-технического прогресса в уголовном судопроизводстве (В. А. Панюшкин, Д. В. Зотов), правосудность приговора (И. Ф. Соловьев), возбуждение уголовного дела, функции в уголовном процессе прокурора (В. А. Ефанова), судебная власть (Т. М. Сыщикова), состязательность (Н. К. Панько) в той или иной мере неизменно рассматриваются через призму нравственности, и в этом залог долгой жизни и большой практической значимости этих исследований.

Непревзойденной классикой на все времена останутся исследования проблем доказывания в уголовном процессе, вышедшие из-под пера ученых факультета Г. Ф. Горского, Л. Д. Кокорева, Н. П. Кузнецова и получившие развитие в трудах Ю. В. Астафьева, Д. В. Зотова, Г. В. Стародубовой, А. Ю. Астафьева, А. Н. Кузнецова и других представителей Воронежской научной школы.

Ценности, отстаиваемые Воронежской школой, истоки которых в доказанных закономерностях познания человеком реальной действительности, в возможности установить истину, в строгом следовании принципам уголовного процесса, крайне осторожном отношении ко всякого рода упрощенствам – ценности социальные, нравственные и научные.

Конечно, уголовно-процессуальное доказывание можно построить на иных основах. Все еще не преодолен набравший обороты в последние десятилетия ошибочный взгляд на теорию познания, основанную на материалистической диалектике, как на неприемлемую для уголовного процесса. В связи с развитием состязательных начал к уголовному судопроизводству стали относиться как к деятельности, имеющей в своей основе оторванные от реальности языковые средства убеждения²¹, или как к спору состязующихся сторон, результат которого должен приниматься как правильный вне зависимости от реального соответствия его действительности. К сожалению, в сторону этих подходов качнулся и законодатель, не учитывая, что они, даже если и имеют право на существование, к юридической науке относятся весьма косвенно. Возможно, это что-то из теории игр, психологической борьбы, риторики. Но нужен ли России, для которой истина, справедливость, долг и другие нравственные категории никогда не были пустым звуком, такой уголовный процесс?

²⁰ Одним из первых предложивший конкретный показатель расчета размера компенсации морального вреда, причиненного преступлением (см.: *Понарин В. Я. Защита имущественных прав личности в уголовном процессе. Воронеж, 1994*).

²¹ См.: *Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003*.

Невзирая на тревожные показатели состояния законности в досудебном производстве, продолжают обсуждаться упрощенческие варианты досудебного производства, отказа от стадии возбуждения уголовного дела (значение которой как важной процессуальной гарантии было убедительно доказано учеными советского периода, в том числе представителями Воронежской школы), расширения спектра нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (под видом уголовного проступка), введения в уголовный процесс оперативно-розыскных мероприятий под «маской» следственных действий (о рисках подобных решений убедительно писал Ю. В. Астафьев) и т. д.

Сегодня Воронежская научная школа уголовного процесса трудами своих классиков и нового поколения ученых как «становящихся на научное крыло», так уже и признанных мастеров выступает мощным «отрезвляющим фактором», заставляющим еще и еще раз задуматься, есть ли веские научно обоснованные причины отказываться от тех достижений, которыми еще несколько десятилетий назад страна обоснованно гордилась. Воронежцы убедительно доказали – таких причин нет. Сомневающимся же можно лишь посоветовать еще раз обратиться к трудам представителей Воронежской научной школы уголовного процесса. Возможно, они и пересмотрят свои взгляды. Умение признавать свои ошибки – качество, присущее только настоящим ученым.

Академия управления МВД России
Победкин А. В., доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики
E-mail: apobedkin71@mail.ru

Management Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
Pobedkin A. V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminal Politics Department
E-mail: apobedkin71@mail.ru